

ТАТЫШЛИНСКИЙ ГОВОР УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена реализуемому под руководством автора на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова лингвистическому проекту по полемому исследованию татышлинского говора периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка на территории Татышлинского района Республики Башкортостан. Кратко суммируется информация о предшествующих исследованиях татышлинских удмуртов. Обсуждаются методологические принципы организации экспедиций и обработки результатов: коллективный характер полевого исследования и связанное с ним распределение задач; учет не только предшествующей литературы по удмуртскому языку, но и достижений лингвистической теории и типологии; используемые техники анкетирования информантов; соотношение методик анкетирования и анализа текстов. Приводится обзор грамматических (анализ именных и глагольных форм и категорий, синтаксических особенностей простых предложений и полипредикативных структур) и лексических (семантика и дистрибуция признаковых и глагольных лексем) сюжетов, проанализированных в ходе экспедиций. Дается характеристика корпуса текстов, подготовленного в рамках проекта. Подробнее разбирается несколько примеров, демонстрирующих лингвистическую специфику татышлинского говора: глаголы с заимствованным показателем каузатива (понудительного залога), полипредикативные конструкции с аккузативным субъектом, широкое употребление глагола позиции *käl'ĭ'ânâ* 'лежать'.

Ключевые слова: удмуртский язык, татышлинский говор, полевая лингвистика, грамматика, лексика, семантика, типология.

В статье обобщен опыт коллективного полевого исследования татышлинского говора удмуртского языка, проводимого на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в сотрудничестве с коллегами из других организаций (Институт языкознания РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, НИУ Высшая школа экономики).

Татышлинский говор, входящий в группу закамских говоров удмуртского языка, относится к периферийно-южному диалекту южного наречия [Кельмаков 1998]. Его носители длительное время проживают в отрыве от основного ареала

распространения удмуртского языка, находясь в контакте с носителями близлежащих тюркских говоров. Поэтому отличия татышлинского говора от литературного удмуртского языка и в целом от говоров, распространенных на территории Удмуртии, достаточно серьезны. В то же время история его лингвистического изучения скудна. Наиболее подробным его описанием до сих пор была магистерская диссертация [Baidoullina 2003]. Отдельные сведения имеются в публикациях В. К. Кельмакова [см.: Кельмаков 1978, 1998], в Диалектологическом атласе удмуртского языка [Насибуллин и др. 2009] и в некоторых публикациях текстов. Перечисленные работы включают

определенный объем описательной информации: так, довольно подробно была описана фонетика говора, зафиксированы некоторые его лексические особенности. Однако они не содержат сколько-либо детальных описаний семантики и синтаксиса грамматических категорий, а также развернутой информации о дистрибуции лексических единиц. Надо отметить, что татышлинский говор достаточно подробно исследован в аспектах этнографии, антропологии и истории [Садиков 2008, 2016; Toulouze 2013; Toulouze, Anisimov 2020]. Анализ языковых структур не является целью перечисленных работ, однако он мог бы расширить перспективу нашего понимания того, в чем состоит специфика татышлинских удмуртов как этнической и языковой группы и к чему привели их контакты с тюркским населением региона.

Краткая история полевых исследований

Традиция полевых исследований на отделении теоретической и прикладной лингвистики была заложена А. Е. Кибриком (первая экспедиция состоялась в 1967 г.); основателем уральского направления на отделении была А. И. Кузнецова [Кибрик 1972; Жизнь как экспедиция 2017]. Исследовались разнообразные языки Кавказа (лакский, арчинский, хиналугский, годоберинский, багвалинский, цахурский, сванский, карачаево-балкарский, осетинский, кумыкский и др.), Памира (шугнанский), Сибири и Дальнего Востока (алюторский, тувинский, бурятский), Поволжья (татарский, чувашский).

Среди уральских языков в разные годы изучались селькупский, ненецкий, энецкий, луговой марийский, горномарийский, эрзянский, мокшанский, коми, хантыйский. Более 20 лет продолжают исследования бесермянского диалекта удмуртского языка (языка бесермян), начатые в рамках экспедиций отделения и впоследствии продолженные группой их участников: по результатам изданы словари [Словарь бесермянского диалекта 2013; Усачёва и др. 2017] и сборник [Финно-угорские языки 2012], включающий статьи и по другим финно-угорским языкам, опубликованы многие десятки статей, подготовлены мультимедийные ресурсы [Исследования бесермянского диалекта; Beserman multimedia corpus]

Коллективная полевая работа

В традиции, которой мы следуем, в экспедицию обычно выезжает многочисленный коллектив (в нашем проекте 15–20 чел.). Он включает как опытных исследователей, работающих в академи-

ческих учреждениях (или обучающихся в аспирантуре), так и студентов, проходящих в экспедиции учебную практику и одновременно получающих навыки решения научных задач, курируемых старшими коллегами. Студенты до выезда в поле проходят семестровый курс подготовительных семинаров, формирующий у них необходимые базовые знания об удмуртском языке.

Каждый участник углубленно исследует 1–2 научные темы (например, один из участников может изучать стратегии маркирования прямого дополнения, другой – способы выражения модальных значений, третий – конструкции с деепричастиями). Члены коллектива обмениваются собранной информацией в ходе индивидуальных обсуждений, а также на семинарах во время экспедиции и между экспедициями. Такой формат позволяет значительно увеличить объем рабочего времени всей экспедиции и, соответственно, объем изученного материала (если один выехавший в экспедицию исследователь может опрашивать информантов всего несколько часов в день – по нашему личному опыту, не более 6–7 часов, то коллективная экспедиция работает с информантами в среднем 50–55 часов в день). Все участники экспедиции вовлечены в пополнение общих баз данных (парадигмы словоизменения различных частей речи, модели управления и акциональные классы предикатов), запись и расшифровку текстов, сбор социолингвистической информации.

Теоретическая перспектива

Работа ведется, с одной стороны, с учетом предшествующей описательной литературы по удмуртскому языку и его диалектам, с другой стороны, с опорой на достижения лингвистической теории и типологии. Например, при изучении множественного числа существительных принимаются во внимание не только работы Н. В. Кондратьевой, О. Б. Стрелковой, Б. Ш. Загуляевой и других авторов, работающих или работавших в частноязыковой традиции, но и публикации Г. Корбетта, Э. Моравчик, М. А. Даниэля и других коллег, концентрировавшихся на различных языках мира и на построении типологических обобщений о свойствах числовых граммем. Такой подход позволяет высветить новые вопросы, ранее оставшиеся незамеченными в перспективе удмуртского языка и ближайшего внутригенетического фона. Одновременно данные изучаемых таким образом миноритарных языков зачастую содержат явления, необычные на фоне хорошо описанных

крупных языков, в т. ч. языков «среднеевропейского стандарта», и поэтому позволяют уточнить многие положения лингвистической теории.

Методы сбора данных

Основным методом сбора данных выступает анкетирование носителей языка [см.: Кибрик 1972; The Oxford handbook 2012]. В качестве информантов могут привлекаться любые жители обследуемых сел, повседневно использующие татышлинский говор и готовые сотрудничать с экспедицией. Для более полной интерпретации данных фиксируется социолингвистическая биография каждого информанта (возраст, место рождения информанта и родителей, места жительства в разные годы, образование, род занятий, владение литературным удмуртским, башкирским, татарским языками, сферы использования различных языков и др.).

В ходе анкетирования носителям, во-первых, предлагается переводить предложения с русского языка на удмуртский (информантам объясняется, что нас интересует татышлинский говор, а не литературный язык). Например, исследователь может попросить носителя языка перевести предложение «*Когда я вошел в комнату, мама мыла пол*». Во-вторых, информанты оценивают с точки зрения грамматической правильности и семантической корректности составленные нами стимулы на удмуртском языке и приводят интерпретации тех стимулов, которые они признают верными. Например, мы можем попросить носителя оценить как правильное или неправильное (татышлинское) удмуртское предложение «*Mon us'tetme us'kätäsa kel'ti*» (это предложение системно признается правильным и означает 'Я уронил ключи [и не нашел их]'). Суждения о том, какие предложения ошибочны, важны для четкой формулировки правил употребления языковых единиц. Каждый вопрос задается нескольким носителям (хотя бы трем-четырем, в случае затруднений или разночтений большему числу) с целью исключить случайные ошибки и выявить точки вариативности. Иногда для сбора данных используются визуальные стимулы (например, окрашенные в разные цвета карточки при сборе цветообозначений). Нередко сами носители приводят примеры использования той или иной языковой единицы, которые кажутся им правильными, наглядными или частотными: такие суждения обязательно фиксируются и принимаются во внимание при анализе материала.

Помимо результатов анкетирования исследования учитываются данные текстов, записанных

и расшифрованных в ходе экспедиции (подробнее о нашем корпусе текстов см. раздел «Результаты»).

Задача научного исследования языка отделяется в выбранном подходе от задачи овладения практическими навыками общения на нем. Долго работающий в проекте человек, безусловно, в той или иной мере понимает изучаемый язык и может порождать простые фразы на нем, но приобретение таких навыков не является самоцелью работы. В качестве языка-посредника при работе с носителями, поскольку все они в той или иной степени билингвально, используется русский.

Изученные темы

В краткой статье мы можем лишь перечислить охваченные на данный момент научные темы экспедиции. Презентации докладов и публикации доступны на сайте проекта [Удмуртская экспедиция МГУ].

Центральным предметом исследования является грамматика татышлинского говора. Изучались особенности выражения именных категорий (числа, падежа, посессивности, в т. ч. дискурсивные употребления посессивных показателей), базовые синтаксические характеристики именной группы, морфосинтаксис и семантика конструкций с числительными и кванторными словами (*van'zâ* 'все они', *ves'* 'все', *kot' kin* 'кто угодно' и др.), семантика неопределенных местоимений, морфосинтаксические свойства послелогов и семантика некоторых из них.

Подробно рассматриваются и свойства глагольных категорий: акциональность, употребление форм времени и ретроспективного сдвига (последний термин относится к аналитическим образованиям, включающим лексический глагол и застывшую форму бытийного глагола, как *šüe val* 'говорил', *mâne välem* 'шел' и др.), формы результата (с показателем *-(e)mân*), выражение модальных значений, аспектуальные суффиксы, показатели актантной деривации (в традиционной терминологии относимые к категории залога), сложные глаголы.

Среди синтаксических феноменов, помимо перечисленного, рассматриваются свойства простых предложений различных типов (вопросительных, отрицательных, содержащих неглагольный предикат – составное именовое сказуемое в традиционной терминологии), употребление и синтаксические связи рефлексивных местоимений (*aslam* 'свой' (1 л. ед. ч.), *asse* 'себя' (3 л. ед. ч.) и др.), сравнительные конструкции, конструкции

со значением исключения участника и др. Значительное внимание уделено полипредикативным структурам (союзным сложным предложениям, предложениям с причастными и деепричастными оборотами, а также с отглагольными именами).

Помимо грамматических явлений, мы затрагиваем вопросы лексической семантики, также ориентируясь на типологический подход [см.: Рахилина, Резникова 2013]. В фокусе нашей работы находятся группы признаковой (прилагательные, качественные наречия) и глагольной лексики. Среди признаковой лексики изучались группы слов со значением цвета, размера, формы линии, заостренности, освещенности, температуры, чистоты/загрязнения, заполнения/пустоты, фактуры поверхности, увлажнения, возраста, скорости, громкости. В глагольной лексике были охвачены единицы со значением перемещения различных типов (в т. ч. периферийные глаголы, описывающие колебание, вращение, падение, бросание), позиции, замены/обмена, потери и др.

Корпус текстов

Деятельность проекта посвящена не только типологически ориентированному анкетированию носителей, но и «теоретически нейтральной» документации татышлинского говора. Результатом этой работы является экспедиционный корпус текстов [Корпус татышлинского удмуртского]. Он размещен на платформе Webcorpora, создателем и координатором которой является Т. А. Архангельский. Объем корпуса на момент написания статьи насчитывает около 38,5 тыс. словоупотреблений; в ходе проекта он регулярно пополняется. Корпус в основном включает записанные и расшифрованные в экспедиции устные тексты; дополнительно добавлены известные нам опубликованные тексты на татышлинском говоре.

Тексты в корпусе относятся к разным типам и жанрам (бытовые рассказы и диалоги, сказки, рассказы об истории, культуре и современной жизни удмуртов, рецепты и др.). Расшифровку и перевод каждого текста делает лингвист совместно с носителем языка в экспедиции (в меньшем объеме используется удаленная документация, когда тексты обрабатывает дистанционно сам носитель). Перед вывеской в корпус расшифровки и переводы дополнительно выверяются, уточняющие вопросы при их возникновении задаются носителям в электронной переписке. Морфологическая разметка производится автоматически с помощью парсера, разработанного и поддерживаемого

Т. А. Архангельским. Корпус снабжен разносторонним поисковым интерфейсом (инструкции и списки сокращений доступны на сайте корпуса). В записанных нами устных текстах пользователь может прослушать каждый попавший в выдачу пример, что, среди прочего, дает ему возможность проверить нашу запись и в сложных случаях принять собственное решение о транскрипции и интерпретации примера.

В основном поисковом слое корпуса используется кириллическая система записи (именно на ее обработку настроен парсер). В данном случае мы следуем общим принципам фиксации данных в диалектных корпусах на платформе Webcorpora [Arkhandelskiy, Georgieva 2018]. В дополнение к этому представлено поле, в котором текст записан в фонологической транскрипции латиницей, как это принято в проекте в целом.

Используемая кириллическая система в целом близка к орфографии литературного языка, но имеет ряд отличий. В расшифровке нормализуются регулярные фонетические соответствия между литературным удмуртским и татышлинским говором (например, записывается буква *ы*, на месте которой в татышлинском говоре произносится *ê* или в некоторых случаях *ë*; записывается обозначающая твердую аффрикату буква *č* – в татышлинском говоре этой аффрикате может соответствовать *š* или мягкая аффриката *č'*). Не нормализуются такие соответствия в отдельных аффиксах или на стыках морфем, которые не могут быть объяснены регулярными фонетическими процессами. Так, показатель элатива (исходного падежа) записывается как *-ись / -йсь*, ср. *-ысь* в литературном удмуртском. Форма деепричастия глагола *луыны* ‘быть, стать’ встречается в варианте *луыса* либо *луса* в зависимости от того, как она произнесена. Такая подача материала удобна для возможного в перспективе диалектного расширения корпуса: в этом случае будет легко доступен поиск того, как варианты аффиксов и другие особенности формообразования распределены территориально.

Специфика татышлинского говора: некоторые примеры

В этом разделе мы представим некоторые примеры отличий татышлинского говора от литературного удмуртского языка и от многих других территориальных вариантов. Среди прочего, эти примеры интересны в аспекте языковых контактов.

1. Каузатив

В татышлинском говоре имеется суффикс каузатива (понудительного залога) *-ttâr*, являющийся тюркским заимствованием (*anajez fat'imajez kâr'ž'attâriz* ‘Мама заставила Фатиму петь’) [Belova 2024: 13]. Его морфологические и семантические свойства разбираются в [Belova 2024] в сопоставлении как с исконным каузативным суффиксом *-t*, так и с аналогичными показателями в татарском и башкирском языках: показано, что татышлинский суффикс *-ttâr* имеет определенную специфику на их фоне.

В предшествующих работах заимствование каузативного суффикса в ряде говоров южного наречия удмуртского языка лишь кратко упоминалось [Кельмаков 1998: 142; Baidoullina 2003: 97–98] без подробного анализа дериватов с ним. Кроме того, согласно [Кельмаков 1998: 142], заимствованный показатель присоединяется к глаголам тюркского происхождения. Однако в татышлинском говоре он образует каузативные дериваты и от исконных основ, ср. *užanâ* ‘работать’ – *užattârânâ* ‘заставить работать’, *lobanâ* ‘летать’ – *lobattârânâ* ‘запустить (бумажный самолетик)’, *lâ'ž'ânâ* ‘читать’ – *lâ'ž'attârânâ* ‘заставить читать’ [Belova 2024: 11–12]; этимологическую справку об основах перечисленных глаголов можно найти в Словаре В. И. Лыткина, Е. С. Гуляева [1970: 164, 165, 295]. Этот факт говорит о достаточно высокой интеграции тюркского суффикса в систему татышлинского говора. Заимствование аффиксальных морфем в целом коррелирует с более высокой интенсивностью языкового контакта, чем просто заимствование лексических единиц [см., например: Thomason, Kaufman 1988: 74–95].

2. Конструкции с аккузативным субъектом

В татышлинском говоре в ходе наших экспедиций зафиксированы полипредикативные конструкции с аккузативным субъектом [Давидюк 2024]. Например, предложение «*Vas'a tode mone koškiz žūsa*» (‘Вася знает, что я уехал’) [Давидюк 2024: 3] буквально устроено как «Вася знает меня [он] уехал что»: местоимение ‘я’ употреблено не в форме номинатива (именительного падежа) *ton*, а в форме аккузатива (винительного падежа) *tone*; согласование с местоимением – исходным подлежащим зависимого предложения также утрачено (использована форма 3 л. ед. ч *koškiz*, а не форма 1 л. ед. ч. *koški*). Ранее, насколько нам известно, такая конструкция в удмуртском языке не анализировалась [ср. ее отсутствие в Кельмаков 1973;

Шутов 2002: 170–177]. В то же время она распространена в алтайских языках [см. анализ в т.ч. татарского материала в Podobryaev 2014 и цитируемую там литературу], что позволяет с высокой вероятностью предположить контактное изменение в татышлинском говоре на уровне синтаксиса сложного предложения. Сопоставление свойств подобных структур с материалом алтайских языков начато в [Давидюк 2024] и может быть продолжено.

3. Употребление глагола *kâl'l'ânâ* ‘лежать’

Для татышлинского говора характерно широкое употребление позиционного глагола *kâl'l'ânâ* [Кашкин, Сеницына 2022]. Если в литературном языке соответствующий глагол *кыллыны* имеет значение ‘лежать’ и его дистрибуция в позиционных контекстах в целом совпадает с русским аналогом, то татышлинский глагол используется в намного большем числе контекстов, выступая как доминантный позиционный предикат со значением ‘находиться’. Иллюстрациями служат следующие примеры: *šoformâ mašinajaz kâl'l'e* ‘Наш шофер находится в машине [необязательно лежат]’ [Кашкин, Сеницына 2022: 129]; *č'onari st'enajân kâl'l'e* ‘Паук сидит (букв. лежит) на стене’ [Кашкин, Сеницына 2022: 129]; *kov'or st'enajân kâl'l'e* ‘Ковер висит (букв. лежит) на стене’ [Кашкин, Сеницына 2022: 131]; *tanâ povkais' no kâtkiis' nâlpijos kâl'l'izâ n'imaz int'ernatân* ‘Дети из Таныповки и Кытки-Елги находились (букв. лежали) отдельно в интернате’ [Корпус татышлинского удмуртского].

Как показано в [Кашкин, Сеницына 2022], носители северных удмуртских говоров и литературного языка отрицают приемлемость подобных примеров. Опрошенные носители южных говоров родом из Алнашского района Удмуртии признают допустимыми часть из них. Трактовка широкого употребления глагола *kâl'l'ânâ* как развившегося независимо или под контактным влиянием, согласно цитируемой работе, неоднозначна. С одной стороны, в башкирском и татарском языках не наблюдается прямой параллели, поскольку доминантным позиционным предикатом в них может считаться глагол *тор-* ‘стоять’, но не глагол *ят-* ‘лежать’. С другой стороны, нельзя исключать заимствования самой модели организации позиционной зоны вокруг доминантного глагола с варьированием конкретной лексемы (‘стоять’ или ‘лежать’), наделяемой таким статусом. При любой трактовке в данном случае наблюдается лексическая

особенность татышлинского говора, касающаяся не материального отличия какой-либо лексемы от литературного варианта, а объема значения лексемы и связанной с этим модели организации семантического поля.

В статье обсуждалась работа проекта, посвященного полевому исследованию татышлинского говора удмуртского языка. Сформулированы принятые в проекте методологические принципы. Описаны достигнутые на сегодняшний день результаты, касающиеся как исследования различных языковых явлений, так и подготовки корпуса текстов. Приведены конкретные иллюстрации специфики татышлинского говора, во многом связанные с языковыми контактами. Проект планируется развивать и далее. Одновре-

менно перспективным направлением исследований представляется соотнесение лингвистических материалов с данными других областей знаний, что могло бы представить разностороннюю картину истории и современного состояния татышлинских удмуртов. Кроме того, публикации о многих удмуртских диалектах зачастую сконцентрированы на фонетических особенностях, идиомных различиях в парадигмах словоизменения и в наборе словообразовательных аффиксов, тогда как семантические и синтаксические свойства языковых единиц нередко остаются исследованными поверхностно. Работа в этом направлении была бы ценна для углубления наших знаний о диалектных микровариациях удмуртского языка и о возможных путях и механизмах их формирования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Давидюк 2024 – Давидюк Т. И. Конструкции с аккумулятивным субъектом в татышлинском говоре удмуртского языка // Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ / ИЯз РАН, 12–13 апреля 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks> (дата обращения: 29.04.2024).

Жизнь как экспедиция 2017 – Жизнь как экспедиция (сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова) / Ред.-сост. В. А. Плунгян, О. В. Фёдорова. В 2-х тт. Т. 1. М.: Буки Веди, 2017. 757 с.

Исследования бесермянского диалекта – Исследования бесермянского диалекта удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://beserman.ru> (дата обращения: 29.04.2024).

Кашкин, Сеницына 2022 – Кашкин Е. В., Сеницына Ю. В. ‘Лежать’ или не ‘лежать’: вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции в татышлинском удмуртском) // Малые языки в большой лингвистике. Вып. 4 / Под ред. И. А. Хомченковой. М.: Буки Веди, 2022. С. 126–142.

Кельмаков 1973 – Кельмаков В. К. Об отглагольных послелогох шуыса и луыса в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск: УдНИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете министров УАССР, 1973. С. 123–151.

Кельмаков 1978 – Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи I. Татышлинский диалект // Труды по финно-угроведению 5. Грамматический строй уральских языков. Тарту: Университет Тарту, 1978. С. 101–122.

Кельмаков 1998 – Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та, 1998. 386 с.

Кибрик 1972 – Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Издательство Московского университета, 1972. 183 с.

Корпус татышлинского удмуртского – Корпус татышлинского удмуртского [Электронный ресурс]. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html> (дата обращения: 29.04.2024).

Лыткин, Гуляев 1970 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Насибуллин и др. 2009 – Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.

Рахилина, Резникова 2013 – Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Садиков 2008 – Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.

- Садиков 2016 – Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016. 276 с.+ 20 с. илл.
- Словарь бесермянского диалекта 2013 – Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / Ред.-сост. А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачёва, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. М.: Тезаурус, 2013. 540 с.
- Удмуртская экспедиция МГУ – Удмуртская экспедиция МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/> (дата обращения: 29.04.2024).
- Усачёва и др. 2017 – Усачёва М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И. Тезаурус бесермянского наречия. Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.: Издательские решения, 2017. 540 с.
- Финно-угорские языки 2012 – Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы / Отв. ред. А. И. Кузнецова, ред. Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 880 с.
- Шутов 2002 – Шутов А. Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск: УдГУ, 2002. 305 с.
- Arkhangelskiy, Georgieva 2018 – Arkhangelskiy T., Georgieva E. Sound-aligned corpus of Udmurt dialectal texts // Proceedings of the Fourth International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. Helsinki: Association for Computational Linguistics, 2018. Pp. 26–38.
- Baidoullina 2003 – Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 с.
- Belova 2024 – Belova D. Causative suffixes in Tatyshly Udmurt: how native and borrowed morphemes co-exist // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2024. № 1(43). Pp. 9–19.
- Beserman multimedia corpus – Beserman multimedia corpus. URL: <http://multimedia-corpus.beserman.ru/search> (date of request: 29.04.2024).
- Podobryaev 2014 – Podobryaev A. Persons, imposters and monsters: PhD thesis. Cambridge, MA: MIT, 2014. 120 p.
- The Oxford handbook 2012 – The Oxford handbook of linguistic fieldwork / Ed. by N. Thieberger. Oxford: Oxford University Press, 2012. xiv + 545 p.
- Thomason, Kaufman 1988 – Thomason S., Kaufman T. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1988. 412 p.
- Toulouse 2013 – Toulouse E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas // Études finno-ougriennes [En ligne]. 2013. № 45. URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872> (consulté le 27 avril 2024).
- Toulouse, Anisimov 2020 – Toulouse E., Anisimov N. An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2020. Vol. 79. P. 31–58. URL: https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouse_anisimov.pdf (date of request: 27.04.2024).

REFERENCES

- Davidyuk T. I. Konstruktsii s akkuzativnym sub'ektom v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka [*Constructions with accusative subject in Tatyshly Subdialect of the Udmurt Language*]. Doklad na konferentsii «Malye yazyki v bol'shoi lingvistike» (Moskva, MGU / IYaz RAN, 12–13 aprelya 2024 g.) [*Talk at the conference “Minority languages in large linguistics” (Moscow, MSU / IL RAS, 12–13 April 2024)*]. URL: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks> (date of request: 29.04.2024). (in Russian)
- Zhizn' kak ekspeditsiya (sbornik statei k 50-letiyu shkoly polevoi lingvistiki A. E. Kibrika i S. V. Kodzasova) [*Life as expedition (collection of articles in honour of the 50th anniversary of the fieldwork tradition led by A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov)*]. Edited by V. A. Plungyan, O. V. Fedorova. In 2 vol. Vol 1. Moscow: Buki Vedi Publ., 2017. 757 p. (in Russian)
- Issledovaniya besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka [*Studies in Besermyan Udmurt*]. URL: <http://beserman.ru> (date of request: 29.04.2024). (in Russian)
- Kashkin E. V., Sinitsyna Yu. V. ‘Lezhat’ ili ne ‘lezhat’: vot v chem vopros (k analizu glagolov pozitsii v tatyshlinskom udmurtskom) [*‘To lie’ or not ‘to lie’: that is the question (towards the analysis of posture verbs*

in *Tatyshly Udmurt*). In: *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Vypusk 4 [Minority languages in large linguistics. Iss. 4]*. Edited by I. A. Khomchenkova. Moscow: Buki Vedi Publ., 2022. Pp. 126–142. (in Russian)

Kel'makov V. K. Ob otglagol'nykh poslelogakh šuysa i luysa v udmurtskom yazyke [*On deverbal postpositions šuysa and luysa in Udmurt*]. In: *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija. Vyp. 2 [Issues in Udmurt philology. Iss. 2]*. Izhevsk: UdNII istorii, ekonomiki, literatury i yazyka pri Sovete ministrov UASSR Publ., 1973. Pp. 123–151. (in Russian)

Kel'makov V. K. Obraztsy udmurtskoj rechi I. Tatyshlinskii dialekt [*Samples of Udmurt speech I. Tatyshly dialect*]. In: *Trudy po finno-ugrovedeniyu 5. Grammatičeskii stroi ural'skikh yazykov [Papers on Finno-Ugric studies 5. Grammatical structure of Uralic languages]*. Tartu: Universitet Tartu Publ., 1978. Pp. 101–122. (in Russian)

Kel'makov V. K. Kratkii kurs udmurtskoj dialektologii. Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [*Sketch of Udmurt dialectology. Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Bibliography*]. Izhevsk: Publishing house of the Udmurt University, 1998. 386 p. (in Russian)

Kibrik A. E. Metodika polevykh issledovanii (k postanovke problemy) [*Methodology of fieldwork (setting up the problem)*]. Moscow: Moscow University Press, 1972. 183 p. (in Russian)

Korpus tatyshlinskogo udmurtskogo [*Corpus of Tatyshly Udmurt*]. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html> (date of request: 29.04.2024). (in Russian)

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Kratkii etimologičeskii slovar' komi yazyka [*Brief etymological dictionary of Komi*]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. (in Russian)

Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Otstavnova G. V. Dialektologičeskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vypusk I [*Dialectological atlas of Udmurt. Maps and comments. Iss. 1*]. Izhevsk: NITs "Regulyarnaya i khaotičeskaya dinamika" Publ., 2009. 260 p. (in Russian)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Freimovy podkhod k leksičeskoj tipologii [*Frame-based approach to lexical typology*]. In: *Voprosy yazykoznanija [Topics on the study of language]*. 2013. No 2. Pp. 3–31. (in Russian)

Sadikov R. R. Tradicionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya) [*Traditional religious beliefs and ceremonies of Zakamsky Udmurts (history and contemporary tendencies of development)*]. Ufa: Tsentr etnologičeskikh issledovanii UNTs RAN Publ., 2008. 232 p. (in Russian)

Sadikov R. R. Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya) [*Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)*]. Ufa: OOO "Pervaya tipografiya" Publ., 2016. 276 p. (in Russian)

Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka [*Dictionary of Besermyan Udmurt*]. Edited by A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobol'skaya, M. N. Usacheva, O. L. Biryuk, R. I. Idrisov. Moscow: Tezaurus Publ., 2013. 540 p. (in Russian)

Udmurtskaya ekspeditsiya MGU [*MSU field project on Tatyshly Udmurt*]. URL: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/> (date of request: 29.04.2024). (in Russian)

Usacheva M. N., Arkhangel'skiy T. A., Biryuk O. L., Ivanov V. A., Idrisov R. I. Tezaurus besermyanskogo narechiya. Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan) [*Thesaurus of the Beserman variety. Nominals and function words (subdialect of the village of Shamardan)*]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ., 2017. 540 p. (in Russian)

Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammatičeskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody [*Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches*]. Edited by A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 880 p. (in Russian)

Shutov A. F. Puti razvitiya gipotaktičeskikh otnoshenii v udmurtskom yazyke: Diss. ... dokt. filol. nauk [*Ways of development of hypotactic relations in Udmurt. Doctoral thesis*]. Izhevsk: UdGU Publ., 2002. 305 p. (in Russian)

Arkhangel'skiy T., Georgieva E. Sound-aligned corpus of Udmurt dialectal texts. In: *Proceedings of the Fourth International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages*. Helsinki: Association for Computational Linguistics, 2018. Pp. 26–38. (in English)

Baidoullina A. Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya [*Tatyshly Udmurt: phonetics and morphology*]. Magistrītō. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 p. (in Russian)

Belova D. Causative suffixes in Tatyshly Udmurt: how native and borrowed morphemes co-exist. In: *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024. No 1 (43). Pp. 9–19. (in English)

Beserman multimedia corpus. URL: <http://multimedia-corpus.beserman.ru/search> (date of request: 29.04.2024). (in English)

Podobryaev A. Persons, imposters and monsters: PhD thesis. Cambridge, MA: MIT Publ., 2014. 120 p. (in English)

The Oxford handbook of linguistic fieldwork. Edited by N. Thieberger. Oxford: Oxford University Press, 2012. xiv + 545 p. (in English)

Thomason S., Kaufman T. Language contact, creolization and genetic linguistics. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1988. 412 p. (in English)

Toulouze E. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas, In: Études finno-ougriennes [*En ligne*]. 2013. No 45. URL: <http://journals.openedition.org/efo/1872> (consulté le 27 avril 2024). (in French)

Toulouze E., Anisimov N. An ethno-cultural portrait of a diaspora in Central Russia: the formation and culture of the Eastern Udmurt. In: Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2020. Vol. 79. Pp. 31–58. URL: https://www.folklore.ee/folklore/vol79/toulouze_anisimov.pdf (date of request: 27.04.2024). (in English)

Английская аннотация отредактирована редакцией без согласования с автором. Исходный текст ниже красным цветом

E. V. Kashkin

TATYSHLI DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE: THE EXPERIENCE OF COLLECTIVE FIELD RESEARCH

The article deals with the field project led by the author at the Department of Theoretical and Applied Linguistics (Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology), which is focused on the Tatyshly subdialect of Udmurt (Southern variety, Peripheral-Southern dialect). Information on the previous studies is summarized. The methodological principles of organizing expeditions and processing the results are discussed: the collective nature of field research and the associated distribution of tasks; taking into account not only the previous literature on the Udmurt language, but also the achievements of linguistic theory and typology; the techniques used for interviewing informants; the ratio of methods of questioning and text analysis. The article provides an overview of grammatical (analysis of nominal and verbal forms and categories, syntactic features of simple sentences and polypredicative structures) and lexical (semantics and distribution of feature and verb lexemes) plots analyzed during the expeditions. The author also gives the description of the corpus of texts prepared within the framework of the project. Several examples demonstrating the linguistic specificity of the Tatyshly subdialect are analyzed in more detail: verbs with a borrowed indicator of the causative (imperative voice), polypredicative constructions with an accusative subject, the widespread use of the verb position *käl'läñä* 'to lie'.

Keywords: the Udmurt language, Tatyshly subdialect, field linguistics, grammar, vocabulary, semantics, typology.

Кашкин Егор Владимирович,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
egorka1988@gmail.com

Kashkin Egor Vladimirovich,
Candidate of Sciences (Philology),
Senior Researcher,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
egorka1988@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.08.2024

Received 02.08.2024

Tatyshly Udmurt: collective linguistic fieldwork and its results

The article deals with the field project led by the author at the Department of Theoretical and Applied Linguistics (Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology), which is focused on the Tatyshly subdialect of Udmurt (Southern variety, Peripheral-Southern dialect). Information on the previous studies is summarized. The methodological principles of our fieldwork are discussed: collective fieldwork and distribution of research tasks; taking into account not only descriptive literature on Udmurt, but also theoretical and typological literature; methodology of elicitation; co-existence of elicitation and text analysis in data collection. The topics in grammar and in lexical semantics analyzed in the project are outlined: nominal and verbal categories, syntax of clause and of complex sentences, semantics and distribution of quality lexicon and of verbs. The text corpus we work on is described. Finally, I touch upon some case studies highlighting the peculiarities of Tatyshly Udmurt: verbs with a borrowed causative suffix, constructions with an accusative subject, the wide use of a posture predicate *käl'läñä* 'lie'.